

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко

Исторические предпосылки дегуманизации образования: от человека экономического к антропологической катастрофе

5 - 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ¹

Т. ХАГУРОВ, А. ОСТАПЕНКО

Постмодерн: человек потребляющий

Если ранний капитализм — это «общество производства и накопления» (М. Вебер), то капитализм поздний — это «общество потребления» (Т. Веблен).

К 1960-м годам Западная Европа и США столкнулись с ситуацией рыночного изобилия. Предложение по огромному спектру товаров и услуг устойчиво стало превышать спрос. Перед потребителями встала проблема *выбора*, а перед производителями — проблема *продажи*. Примерно тогда же западные социологи наперебой заговорили о «революции интеллектуалов», «обществе изобилия» (Дж. Гэлбрейт) и «постиндустриальном обществе» (Д. Белл). В общих чертах это означало признание того факта, что в жизни западных обществ определяющую роль стали играть

¹ Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Исполнитель: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Шифр заявки: 2010–1.1–300–151–107. Госконтракт на выполнение научно-исследовательских работ 14.740.11.0790 от 30 ноября 2010 г.

² Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education, 2nd ed. N.Y., 1975.; Schultz T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N.Y., 1971.

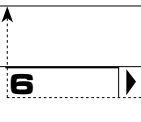
³ Кургинян С.Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и в мире. Т. 2. «Пост» и «Сверх». М.: МОФ ЭТЦ, 2009.

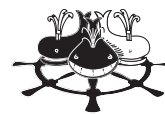
знания, их приращение и использование — наука, образование, высокие технологии и люди, связанные с этими сферами деятельности. Всё более высокие доходы стали приносить производства, связанные с наукой. Знания, получаемые через научные исследования, стали ключевым фактором развития экономики. Разумеется, это касалось лишь «полезного и технологичного» знания, т.е. такого, которое можно превратить в *продукт* или *услугу*, имеющие спрос на рынке. Параллельно росту наукоёмкости экономики росли значимость и престиж высшего образования. Именно начиная с 1960-х гг. образование попадает в фокус внимания экономической науки, прежде всего, благодаря исследованиям Г. Беккера и Т. Шульца в области человеческого капитала, доказавшим высокую эффективность инвестиций в образование².

Научно-техническая революция 1960-х гг. стала своеобразной точкой бифуркации. Появилась реальная возможность перейти на более высокий уровень социально-технологической организации общества — постиндустриальную модель. Постиндустриальное общество не отменяет индустриального производства (как иногда примитивно полагают наши реформаторы), оно выводит его на более высокий технологический уровень (как это произошло с сельским хозяйством в индустриальном обществе), что позволяет сократить количество занятых в нём людей. Соответственно основным сегментом занятости становится научно-техническое творчество. Это требует смены социальной опоры общества. Не предпринимательский класс (западное общество) и не пролетариат (советское общество), а интеллигенция, интеллектуалы становятся базовой социальной группой. Идеи постиндустриализма получили наиболее яркое выражение в социально ориентированной научной фантастике, расцвет которой в 1960-е гг. выразил всеобщие ожидания. Романы И.А. Ефремова можно считать своего рода классикой этой литературы. В них фактически выражены ожидания Сверхмодерна (С.Е. Кургинян³) — социального проекта, основанного на триумфе Творчества и Гуманизма. Другими словами, Человекобожия.

Однако переход к постиндустриализму требовал и смены политической элиты. Финансово-промышленная олигархия (Запад) и номенклатура (Советский Союз) должны были трансформироваться и уступить место научно-интеллектуальной элите. Это требовало от элит политической воли и мессианства. Но их не было, а было стремление сохранить привилегии любой ценой. Это, судя по всему, и предопределило судьбу постиндустриального проекта. Он попросту не состоялся. Он по-разному не состоялся в Советском Союзе и на Западе, хотя торможение научно-технического и социального творчества уже в 1970-е годы было вполне ощутимым.

Вместо постиндустриального общества и Сверхмодерна Запад выбрал путь общества потребления и Постмодерна. Вместо научно-технического творчества господствующим сектором экономики стал сектор услуг. Инструмент реализации этого социального проекта — идеология неолиберализма и использование новых форм социального контроля, основанных на раскрепощении иррационального (Постмодерн) и финансовом тоталитаризме. Финансовый тоталитаризм (термин А.А. Зиновьева) означает превращение финансовой сферы в ключевой механизм жизни западных обществ. Деньги из элемента (средства обмена) экономической системы превратились в её ключевой фактор. В результате финансовая сфера поглотила и заставила функционировать по своим законам другие

сферы жизни общества, ранее сохранявшие относительную автономность: культуру, право, образование⁴. Для образования это имело фатальные последствия.

Ценности общества потребления носят прагматически-гедонистический характер. Это уже не только максимизация прибыли как самоцель (эффективность), но и максимизация комфорта (приобретающего высокую потребительскую ценность). Эти ценности обусловили достаточно быструю и интенсивную консьюмеризацию (от англ. consume — потреблять) образования, обострившую традиционные рыночные риски. Об этом очень точно пишет Н.Е. Покровский: «Университеты, а равно и школы, уже не рассматриваются в качестве святылиц разума, а профессура и учителя — в качестве священнослужителей. И те и другие скорее эволюционируют в направлении обслуживающего персонала, предлагающего эффективные продукты, готовые к употреблению»⁵. В результате школа (высшая в том числе) из института воспитания и обучения окончательно превращается в один из институтов системы потребления и становится в один ряд с парикмахерской и химчисткой. Это наглядно проявляется в том, какую систему ценностей выносят учащиеся из школьных и университетских аудиторий. Социологические опросы в США показывают, что 93% девочек-подростков называют шопинг своим любимым занятием; около 60% студентов колледжей, говоря о жизненных ценностях, самым важным считают зарабатывание большого количества денег. В Вашингтонском университете, отвечая на вопрос «что для вас самое важное в жизни?», 42% ответили «хорошо выглядеть», 18% — «быть всегда пьяным», и только 6% (!) — «получить знания о мире»⁶.

Ценности Модерна оказались разрушенными в парадигме Постмодерна — проекта, основанного на Игре и Сомнении. Заявив о себе в качестве направления в искусстве, прежде всего в архитектуре, затем в литературе и, в целом, в искусствоведении, постмодернизм как влиятельное интеллектуальное течение в 1970-х гг. активно утвердился в культурологии, философии и социологии. Предпосылки постмодернизма отчётливо прослеживаются во французском структурализме и постструктурализме, хотя его глубинные интеллектуальные истоки, согласно распространённой точке зрения, восходят через левый радикализм Франкфуртской школы, ещё дальше к К. Марксу, З. Фрейду и Ф. Ницше⁷. Несмотря на многогранность творчества каждого из названных мыслителей, всех их объединяет пафос критичности, деконструкции, редукции, ниспровержения прежних идеалов, что отчётливо прослеживается в направленности их работ. Выступив как широкое течение западной гуманитарной мысли, постмодернизм, согласно оценке одного из наиболее глубоких отечественных исследователей его генезиса И.П. Ильина, «характеризуется прежде всего негативным пафосом по отношению ко всяким позитивным знаниям, к любым попыткам рационального обоснования феноменов действительности и в первую очередь — культуры»⁸. Любые претендующие на универсальность объяснительные схемы трактуются как «догматизм», коннотирующий с «искусственностью» и «насильственностью», объявляются «проявлением «метафизики», которая служит главным предметом их инвектив и под которой они [постмодернисты] понимают принципы причинности, идентичности, истины и т.д.». Отсюда проистекает отмечаемая многими исследователями постструктурализма, приверженность его представителей иррационализму и «пристрастие ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному»⁹.

⁴ Зиновьев А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000.

⁵ Покровский Н.Е. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // Социологические Исследования. 2005. № 10. С. 69–76.

⁶ Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру / Джон Де Граф. Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор; Пер. с англ. Н. Макарова. М.: Ультра. Культура, 2003.

⁷ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа / Науч. ред. А.Е. Мохов. М.: Интрада, 1998.

⁸ Там же, С. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты: история американской рекламы / Пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002.

¹¹ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002. С. 717.

Постмодернизм провозгласил кризис «метарассказов» (Ж.-Ф. Лиотар), под которыми понимаются все великие идеи христианства и просвещения: Бог, Разум, Наука, Прогресс. Постмодернисты повторили старую идею софистов: Истины нет, есть лишь множество её интерпретаций, равноценных между собой. Девизом Постмодерна стали слова Понтия Пилата «Что есть Истина?». Общий же урок, несомый постмодернизмом миру и культуре, можно определить как проповедь «гедонистического сомнения». В самом деле, если все великие проекты и программы не более чем «языковые игры», а ценности, традиции и универсальные смыслы — суть «маски тоталитарного сознания», то что же есть реальность? С чем остаётся человек, сбросивший «иго» «текстуальных традиций» культуры и «защитных механизмов и реактивных образований» своего «буржуазного», «тоталитарно-рационального» сверх-Я? Ответ постмодернизма — с фрейдовским «принципом удовольствия», «естественно-природным», а следовательно, универсальным бессознательным либидо. Глубинные корни постмодернизма, основанные на совмещении марксистского призыва к выходу «из царства необходимости в царство свободы» и фрейдистского понимания либидо как единственной «настоящей» реальности, неизбежно влекут его сторонников к абсолютизации реальности удовольствий, освобождающей от запретов и предписаний нормативной реальности. Эти культурные интенции постмодернизма получили мощную поддержку в лице экономики гиперпотребления, индустрии развлечений и медицинских услуг. Развлечения и комфорт — самая, пожалуй, доходная сфера в обществе, где «гедонистическое сомнение» становится культурным стержнем.

Постмодернизм, по существу, предложил новую версию решения проблемы зла. Вместо пуританского принципа «подавить и поставить на службу» иррациональное начало в человеке постмодернизм предложил другой принцип — «раскрепостить и эксплуатировать». Это вполне отвечало потребностям экономики изобилия. Дело в том, что классические рыночные ценности «производства и накопления» стали тормозить спрос. Рациональный homo economicus был бережлив. Перенасыщенный рынок требовал сбыта. Требовалось подстегнуть потребительское поведение, а для этого нужно было освободить Желание. Эти процессы легко проследить по истории рекламы. Реклама становится одним из базовых институтов общества потребления. Как отмечает Дж. Сивулка, «для того чтобы продать огромные количества своей продукции, они [продавцы] искали новые способы заставить публику не только покупать больше, но и покупать товар снова и снова»¹⁰. С 1950-х гг. начинается эпоха воплощения «американской мечты» — бум потребления на фоне всё возрастающего уровня жизни большинства населения западных стран. Собственно, с 1950-х гг. и можно говорить о формировании *устойчивой потребительской культуры* как *духовной основы* общества потребления. Немалую роль в этом сыграло телевидение, ставшее к середине 1960-х гг. ведущим средством рекламы. Центральными темами рекламы стали темы трат, удовольствия, наслаждения, которые заменили темы бережливости и выгоды. Ведущим принципом поведения стал «принцип удовольствия». Однако, как справедливо заметил Ю.Н. Давыдов, «у принципа удовольствия <...> есть один заклятый враг: скука, возникающая при неумеренном повторении одного и того же, пусть даже самого возбуждаемого удовольствия. И чтобы противостоять ей, необходимо «взбадривать» его с помощью *извращения*, сообщающего ему «оргиастичность»¹¹. В культуре стало заметным нарастание *садомазохизма*.

Как в книгах, так и в кино эротические сцены становятся всё более откровенными и шокирующими, драки — всё более реалистичными и жестокими. Ищутся новые способы привлечь пресыщенного потребителя. Мораль становится обузой для массового человека, её место занимает потакание желанием, вплоть до явно патологических.

Это закономерно — на рынке продают то, что легче продать, а гедонистически ориентированному потребителю всегда легче продать то, что апеллирует к его низменным инстинктам — порнографию и насилие, становящиеся в обществе потребления ходовым товаром. Самый эффективный способ создать новую рыночную нишу в любом сегменте индустрии развлечений — отказаться от ограничений, накладываемых обществом. Это, во-первых, позволяет обогнать «узко мыслящих» конкурентов. Во-вторых, создаёт громкую рекламу, ведь любое нарушение устойчивых моральных норм создаёт скандал, представляющий собой бесплатную рекламу. И эта реклама будет тем эффективней, чем более шокирующим будет это нарушение. Вариантов же запретов и традиций, которые можно нарушить, не так много. «По большому счёту — четыре: табуирование половой сферы, уважение к традиционным ценностям (не только к религиозным святыням, но и, к примеру, к национальным героям), эстетические каноны и табуирование насилия»¹². Нарушения всех перечисленных табу и составляет основную часть содержания массовой культуры потребления. Последствия этих нарушений очевидны.

Общество получило человека развращённого и не способного к созданию семьи. Человека, потерявшего различия красоты и уродства. Человека, смакующего насилие и жестокость. Человека, находящего удовольствие в кощунстве над традиционными ценностями. Это — человек-потребитель¹³. И это **антропологическая катастрофа!**

То, что это катастрофа, и то, что такой человек не только не способен к творчеству, но не способен даже просто к поддержанию мало-мальски устойчивого социального порядка, понимают все. Ведущие современные гуманитарии буквально кричат об этом¹⁴. *Это антропологический и социальный тупик!* Ни человеческое общество, ни природа не выдерживают давления потребления как массового мировоззрения. И это закономерное следствие изначальных рисков Модерна в его капиталистическом и социалистическом вариантах.

Каковы *возможности выхода* из этого тупика? Таких возможностей *две*. **Первая** требует *возврата* в той или иной форме к *христианским принципам мироустройства, христианскому пониманию общества и человека*. Это реанимация традиционных ценностей. При этом мы отнюдь не отрицаем нравственного и социального потенциала ислама, но Модерн — это западный проект, и связан он с отпадением от христианских корней. Арабский мир в меньшей степени повреждён этой антропологической катастрофой, ибо в меньшей степени отошёл от традиционных религиозных корней. Мы же ведём речь о судьбах западной цивилизации, которая тащит в пропасть весь остальной мир. Реанимация христианских основ общества (или хотя бы светского общества, основанного на уважении и признании традиционной духовности и нравственности) требует огромных усилий в области культурной политики, культурного и образовательного творчества. Такой выход из тупика не может быть осуществлён простым призывом «вернуться к истокам». Нужна новая проповедь, нужен новый ликбез, *новая идеальная*

¹² Вальрасиан (Егоров А.) Культура насилия и экономика потребления // <http://eressea.ru/tavern7/020-0012.shtml#COMH1>.

¹³ Хагуров Т. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. М.: ИС РАН, 2006; Хагуров Т.А. Человек потребляющий. Антропологическая девиантология массовой культуры. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

¹⁴ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Перевод с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.; Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003; Бауман З. Индивидуализированное общество. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002; Потребляющая болезнь, угрожающая миру / Джон Де Граф. Дэвид Вани, Томас Х. Нэйлор; Пер. с англ. Н. Макарова. М.: Ультра. Культура, 2003.

накалённость. Нужна политическая воля и жертвенность. Это трудоёмкий путь с негарантированным результатом. Человека легко *развратить*, но трудно *воспитать*.

И, увы, есть **другой** путь. *Путь построения неокастового общества*. Человечество делит на просвещённую элиту (управляющую с помощью гуманитарных и финансовых технологий), квалифицированных потребителей-производителей, создающих необходимый экономический базис (мотивированных страхом и/или стремлением к удовольствию) и архаизированных аутсайдеров (вытесненных на мировую периферию и удерживаемых там «мягкими» силовыми технологиями). Один из наиболее реалистичных сценариев такого общества описан в антиутопии А.А. Зиновьева¹⁵ «Глобальный человек». Это возвращение к древневосточному принципу «каждому — своё», но на новых социально-технологических началах. Фактически это **неогностицизм** как утверждение принципиального, изначально установленного и непреодолимого неравенства людей. Этот путь требует меньших усилий и даёт гарантированный результат. Более того, он не требует смены элит и отвечает идеям англосаксонского превосходства, лежащим в основании атлантизма.

Однако этот путь требует, в первую очередь, изменения отношения к знанию. Необходимо отказаться от всех ценностей просвещения, от понимания знания как общего блага, гарантированного всем. Знание должно снова стать благом для избранных. Определённые шаги в этом направлении сделал уже капитализм с его рыночной сегментацией образования. Однако теперь нужно освободиться от всех «условностей» классической романо-германской и византийской культуры. Построение неокастового общества требует широкого использования манипулятивных технологий управления сознанием и поведением людей. И *образование выступает главным препятствием* этому. Поэтому образование необходимо сегментировать по принципу: элитное (классическое) — для избранных вершителей, усечённое (узкоспециальное) — для производителей, псевдообразование (отупляющее) — для архаизированного большинства. А сегментировать очень несложно, реализовав идею конкурентности как средства антропологической селекции (бесконечные конкурсы и рейтинги во всех социальных сферах, включая образование). Но это, повторим, явный **неогностицизм**, разделяющий людей на тех, кому доступна духовность и истина (пневматики), на тех, кто достоин лишь специализированных знаний (психики), и на рабочих аутсайдеров (рабочая скотина, социальные отбросы, пушечное мясо, быдло), достойных лишь невежества (хилики, физики). Одним словом, жители Альфы, чатлане и пацаки с соответствующей касте цветовой дифференциацией штанов...

Внимательно анализируя процессы, происходящие в российском образовании и обществе, трудно не заметить реализацию описанной выше схемы. Дети значительной части представителей российской элиты получают классическое образование в закрытых частных школах Великобритании и США (жители Альфы). В самой России фундаментальное образование даже в ведущих университетах целенаправленно заточивается под узкоспециальную модель (чатлане в малиновых штанах или пиджаках). А образцом для этого усиленно делают НИУ ВШЭ. Массовое образование целенаправленно профанируется (пацаки в оранжевых штанах, и здесь цвет угадан). Иначе как воспринимать слова министра образования А.А. Фурсенко, сказанные им в 2007 году: «Недостатком

¹⁵ Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Эксмо, Центрполиграф, 2006.

советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя»¹⁶?

При этом нужно учитывать то, какие технологические возможности доступны умной образованной элите. Ещё Н. Макиавелли писал, что у элиты есть два способа управлять массами — сила и хитрость. Прямое принуждение требуется тогда, когда массы осознают несправедливость и хотят перемен. А если есть возможность оглушить массы до такого состояния, чтобы они не только не возмущались существующим порядком, но, напротив, приветствовали его, искренне радуясь торговым центрам, кредитам, фаст-фуду, «камеди-клубам» и пепси... Не обращая при этом внимания на стремительное исчезновение смысла... Принимая за смысл такие вещи, как толерантность (моральную всеядность), признание прав меньшинств, лёгкую озабоченность гибелью китов или тигров (можно успокоить «волю к смыслу», пожертвовав небольшую сумму) и тревогу по поводу международного терроризма (что облегчает одобрение деятельности элиты по «наведению порядка»)... Совсем как в известном фильме: «Приказ господина ПэЖэ: всем пацкам надеть намордники и радоваться!». Если к этому добавить уже существующие технологии глобального контроля в виде повсеместно устанавливаемых веб-камер, терминалов электронного контроля, микрочипов в паспортах и баз данных (фиксирующих операции по кредитным картам, интернет-контакты и т.п.) и им подобные... В общем, антиутопия глобального полицейского (не зря же переименовывали милицию, эцлопы) государства, опирающегося на неокастовую социальную организацию и «мягкие» технологии контроля, не так уж и фантастична, как кажется. Сказанное, разумеется, представляет собой махровый пессимизм. Но, увы, небезосновательный...

¹⁶ Соколова В. Серые кардиналы образования. Кто стоит за «реформами» по ликвидации всеобщей грамотности в стране? // Совершенно секретно. 2011. № 4. <http://www.flb.ru/info/48680.html>.

